

Цзи Сичжао потирал большим пальцем указательный, и в лучах заходящего солнца его улыбка казалась мягкой, словно весеннее тепло.

Ци Мумянь безотчетно почувствовал, как внутри него закипает глухое раздражение.

— Какие еще мысли, — Ци Мумянь инстинктивно попытался уйти от разговора, — ты ослышался.

Цзи Сичжао перевел взгляд на Бай Чуаня и негромко произнес:

— Я ослышался?

От одного этого взгляда Бай Чуаня пробрал холод, он поспешно опустил голову и ответил:

— Нет, вы не ослышались. Хозяин сказал, что Четвертая принцесса питает к нему чувства.

Вот так просто взял и продал его. Ци Мумянь мысленно проклинал Бай Чуаня за предательство, но внешне не желал уступать. Задрав подбородок, он выпалил:

— Ну и что? Цзи Сичжао, ты лезешь во все дела, неужели теперь собираешься указывать, кому в кого влюбляться?

Взгляд Цзи Сичжао стал холоднее:

— Откуда тебе знать, что Четвертая принцесса в тебя влюблена? Она сама тебе об этом сказала? Она девушка, не смей порочить её честное имя.

— Цзи Сичжао, ты за кого меня принимаешь? — Ци Мумянь вскинул брови. — Несколько лет назад я избил сына наставника из-за неё, неужели она не могла запомнить это и проникнуться ко мне симпатией? По-моему, ты просто завидуешь!

— Ты вспомнил?

Выражение лица Цзи Сичжао стало странным: он нахмурился, но в глубине его глаз промелькнула радость, а уголки губ, обычно опущенные вниз, едва заметно приподнялись — словно он отчаянно хотел, чтобы тот что-то вспомнил.

Ци Мумянь помедлил:

— Помню только, что помог Четвертой принцессе, а потом мы много пили, и я, захмелев, вернулся домой.

Взгляд Цзи Сичжао мгновенно потускнел. Он дернул уголком рта, интерес к разговору у него пропал, и продолжать эту тему он не хотел:

— Смеркается, пора возвращаться.

— Возвращаться? — переспросил Ци Мумянь. — Я сейчас у себя дома, куда мне возвращаться?

В полуприкрытых глазах Цзи Сичжао мелькнуло нетерпение:

— Ци Мумянь, не заставляй меня повторять дважды.

На самом деле в глубине души Ци Мумянь побаивался Цзи Сичжао.

Жестокость Цзи Сичжао никогда не была показной. Ци Мумянь однажды видел, как тот парой слов заманил обидчика в игорный дом, а затем с помощью хитроумного плана довел его до того, что тот проиграл всё до нитки и лишился руки — и при этом сам Цзи Сичжао остался вне подозрений.

Тогда-то Ци Мумянь и понял: с кем угодно можно ссориться, но только не с Цзи Сичжао, иначе тебя продадут, а ты еще и будешь помогать пересчитывать деньги.

Цзи Сичжао прищурился, глядя на Ци Мумяня. Его лицо оставалось бесстрастным — он всегда умел скрывать свои истинные чувства.

Под этим взглядом у Ци Мумяня зачесалась кожа головы, и он сдался:

— Вернись, вернись, доволен?

Сказав это, он бросил на Цзи Сичжао сердитый взгляд и зашагал прочь. Цзи Сичжао проводил его взглядом, вздохнул и пошел следом.

Как только они скрылись из виду, Бай Чуань, до этого притворявшийся черепахой, выпрямился и похлопал себя по груди:

— Едва кондратий не хватил.

Карета ехала в сторону резиденции премьер-министра через оживленную улицу Шэнчан. Внутрь проник сладкий аромат пирожных с фужуном.

Ци Мумянь был сладкоежкой. В школьные годы он часто тайком приносил их на занятия. Цзи Сичжао доводилось пробовать пару штук, но для него они были слишком приторными. Позже, когда Ци Мумянь ушел в армию, возможности угоститься ими больше не было.

Цзи Сичжао приподнял занавеску и что-то сказал кучеру. Вскоре тот принес шкатулку с едой и передал её господину.

Длинный тонкий палец Цзи Сичжао лег на крышку из красного дерева — она была ослепительно белой, заставив Ци Мумяня прищуриться.

Ци Мумянь удивился — с чего это Цзи Сичжао вдруг полюбил такие вещи? А потом увидел, как тот открыл шкатулку и протянул ему целую гору разноцветных пирожных:

— Появились новые вкусы фужуна, попробуй, вкусные.

Оказывается, купил для него.

— Не надо, — Ци Мумянь скрестил руки на груди. — Я не люблю такое.

Цзи Сичжао заметил:

— Раньше ты...

— То было раньше, — Ци Мумянь перебил его на полуслове, бросив на Цзи Сичжао взгляд, полный неприкрытой неприязни. — Цзи Сичжао, что с тобой? Если хочешь мне угодить, хоть немного подготовься.

Когда-то Ци Мумянь действительно любил эти сладости, но в армии, не говоря уже о пирожных, даже просто досыта поест было роскошью. Какой на вкус фужун, он давно забыл.

Опять то же самое. Стоило ему приблизиться, как Ци Мумянь выпускал шипы. Он был словно демон из ада Авици — вызывал лишь досаду.

Цзи Сичжао сник и опустил руку. Положив пирожные обратно, он прислонился к стенке кареты и закрыл глаза.

Ци Мумянь покосился на него. Увидев, что тот больше не предлагает угощение, он снова разозлился и язвительно произнес:

— Ци Сичжао, а ведь ты действительно неприятный человек.

Цзи Сичжао приоткрыл глаза, ожидая продолжения.

У Ци Мумяня не хватило духу сказать: Ты всегда так пытаешься задобрить, неужели нельзя было проявить настойчивость, если я сказал нет? Он фыркнул и бросил взгляд на шкатулку.

Цзи Сичжао был достаточно умен, чтобы понять всё с полуслова.

Он снова открыл шкатулку, достал пирожные и еще раз предложил:

— Попробуй, я ведь уже купил.

— Если ты купил, я обязан есть? — Ци Мумянь продолжал ломаться.

— Если ты не съешь, мастер, который их готовил, наверняка расстроится, — Цзи Сичжао знал, как найти подход к Ци Мумяню. — Ты ведь не хочешь обесценить их старания?

— Ну ладно, так и быть, попробую, — Ци Мумянь сделал вид, что делает это ради кондитера, а вовсе не ради Цзи Сичжао, и взял кусочек.

Тот же вкус, что и в юности. В одно мгновение Ци Мумянь вернулся в те времена, когда они еще не рассорились. Тогда наблюдать за тем, как Цзи Сичжао ест фужун, было его величайшим удовольствием.

Цзи Сичжао ведь терпеть их не мог, но всё равно заставлял себя есть, потому что их давал он. В те моменты лицо Цзи Сичжао становилось таким живым.

Вспомнив былое, Ци Мумянь невольно улыбнулся. Он съел четыре штуки подряд и только тогда, довольный, отряхнул руки.

Цзи Сичжао, видя это, тоже повеселел. Убедившись, что тот наелся, он убрал остатки в шкатулку:

— Забери с собой, съешь, когда захочется.

— Не нужно, оставь себе, — Ци Мумянь отвернулся, всем своим видом показывая, что он свое получил и теперь знать ничего не хочет.

Цзи Сичжао согласно кивнул:

— Хорошо, заберу. Съем, когда захочется.

— Маленький театр —

Размявшись, Ци Мумянь почувствовал, как вино ударило в голову. Стакан за стаканом, и вскоре его взгляд затуманился.

Первым неладное заметил Цзи Сичжао.

Что бы он ни говорил, Ци Мумянь лишь послушно кивал, совсем не напоминая своего обычного задиристого себя.

День рождения ведь у него, а опьянел быстрее, чем сам именинник.

Цзи Сичжао с неохотой проводил гостей и повез Ци Мумяня домой.

Поначалу всё было нормально, но через какое-то время, то ли от тряски в карете, то ли от того, что вино окончательно разыграло, Ци Мумянь вдруг ткнулся лицом в грудь Цзи Сичжао.

Цзи Сичжао пальцами приподнял его за подбородок. Ци Мумянь, казалось, был совсем дезориентирован: его темные брови слегка сошлись к переносице, а мягкие, чуть припухшие губы были сжаты. В этом состоянии он выглядел непривычно жалким и милым.

Ци Мумянь пристально смотрел на него своими черными, как смоль, глазами и сглотнул.

Цзи Сичжао невольно вспомнил книжки с любовными историями, которые они тайком передавали друг другу в школе. Там писали, что любовь нужно познавать на личном опыте.

Уголки глаз Цзи Сичжао покраснели, голос дрогнул:

— Мумянь, не смотри на меня так...

Ци Мумянь не расслышал слов. Его ресницы дрогнули, и он подался вперед.

Цзи Сичжао почувствовал, как внутри всё вспыхнуло. Его кадык дернулся:

— Мумянь...

Ци Мумянь внезапно повел носом и пробормотал:

— Как приятно пахнет.

— М-м...

Мягкое прикосновение взорвало сознание Цзи Сичжао. Кончик носа наполнился винным ароматом, исходящим от Ци Мумяня. Он сходил с ума — не от того, что Ци Мумянь целовал его, а от того, что он совсем не был против, и даже хотел большего.

Тепло губ постепенно исчезало — Ци Мумянь начал отстраняться. Но в этот миг все моральные принципы и этические нормы в голове Цзи Сичжао словно испарились. Он крепко зажмурился, вцепился в руки Ци Мумяня, не давая ему сбежать, и кончиком языка осторожно раздвинул плотно сжатые зубы юноши.

Их губы едва соприкасались, словно разряд тока прошел по всему телу, дыхание смешалось, и Ци Мумянь невольно издал тихий стон.

Цзи Сичжао никогда еще не казался путь до резиденции таким коротким. Услышав окрик слуги, он с неохотой отпустил Ци Мумяня, поправил на нем одежду и передал его домашним.

После этого наступил хаос. В ту ночь Цзи Сичжао не сомкнул глаз. Он думал о том, что Ци Мумянь будет злиться, но ни на миг не допускал мысли, что тот всё забудет.

Весь его пыл разбился о равнодушие Ци Мумяня, хотя в глубине души он даже почувствовал облегчение: хорошо, что Ци Мумянь ничего не помнит, они всё еще могут остаться друзьями.

<http://bllate.org/book/19772/1947895>